

18+

В.М. НИКИТИН

МЫРДАЭЛЫ

Владимир Никитин

Миражи. Мистический детектив

«Издательские решения»

Никитин В. М.

Миражи. Мистический детектив / В. М. Никитин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980697-0

Харитон Головин, потомок ермаковских казаков, бывший пограничник, ищет пропавшего в уральских лесах друга детства. Не верящий в чудеса старик, так все его называют в округе, сталкивается с недоступными его пониманию явлениями: таинственное озеро-пруд, сказочный подземный город, старуха, которая утверждает, что она была любимой девушкой самого предводителя казачьих войск атамана Ермака. Всё это вы узнаете из мистической повести кубанского прозаика, члена Союза писателей России Владимира Никитина.

ISBN 978-5-44-980697-0

© Никитин В. М.
© Издательские решения

Миражи

Мистический детектив

Владимир Митрофанович Никитин

Владимир Пшеничный *Редактор*

Татьяна Неопалимова *Художник и дизайнер обложки*

Татьяна Нечаева *Корректор*

© Владимир Митрофанович Никитин, 2020

ISBN 978-5-4498-0697-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это было скорее не озеро, а старый заброшенный пруд, наверное, ещё со времён Ермака. По всей вероятности, казаки перегородили небольшую речушку, которая в летнее время наверняка пересыхала, и соорудили своеобразную запруду, устроив для себя небольшое водохранилище, откуда черпали воду для своих нужд: готовили пищу, поили лошадей, а когда уходили в поход, заливали тлевшие кострища, ещё недавно

пылающие в холодной уральской тайге яркими огненными языками. Огонь явно веселил лихие казачьи души. Как- никак, а в их быту многое было и от язычества: поклонение огню, воде, другие ритуалы, от которых они так до конца и не смогли отвыкнуть.

А на самом высоком месте казаки соорудили вышку, эдакий наблюдательный пункт. Что самое интересное, чем старик невольно восхищался, время, словно не коснулось её. Она горделиво стояла, чуть ли не упираясь в небо. Правда, ступени малость прогнили, и старик не решался забраться на самый верх, хотя многие деревья обогнали вышку в росте, и теперь вряд ли можно было бы углядеть басурман, которых видимо, казаки и опасались.

Приглядел однажды старик, охотясь, глухое местечко в уральской тайге. Вдобавок обнаружил тогда небольшую сторожку. Впрочем, она, конечно же, не была времён грозненской эпохи. Видно, сложил её некогда из брёвнушек какой-нибудь золотоискатель. Ну, а затем охотники на неё набрели, ночевали в ней, если заставала непогода.

Старик подправил лесную избушку, сложил небольшую русскую печку, и иногда, особенно ранней зимой, когда уральские холода не были ещё по-настоящему свирепы, оставался здесь и дnevать, и ночевать порой на целую неделю, а то и больше, поскольку торопиться ему в свой посёлок было не к кому.

Он давно уже жил бобылём. С тех самых пор, как расстался со своей половиной, оставив ей в Ирбите свою «двушку», некогда выкупленную в кооперативе ещё в советские времена. Сам же поселился в небольшом посёлке, затерявшимся между Ирбитом – старинном уральском городке – и Тавдой. Устроился тогда он в леспромхоз, где выделили ему небольшую комнатушку в деревянном бараке. Там жили в основном приезжие вахтенные работяги – плотгоны.

А старик вовсе не был уж таким пожилым, ежели судить не по годам – в ту пору ему было чуть за шестьдесят, а по его физическому состоянию. Был он крепок телом, мог запросто отмахать пешком и двадцать, и тридцать, по-старому, вёрст. А зимой, если вставал на лыжи, и полста километров преодолевал.

Конечно, с годами удаль поубавилась, но сказала закалка былой военной службы на одной из южных границ тогда ещё могучей советской державы.

– Мабуть, тебе бабу сноровистую сподобить, – шутовали заезжие работяги. – Силища, вон в тебе какая. Только в плотгоны, нам такие крепкие мужики нужны.

Харитон не придавал этим шуткам-прибауткам никакого значения. Мысли его витали в другом направлении. Он хотел найти место гибели своего друга детства Алексея, который, как и Харитон, был богатырского телосложения, и не всяк его мог одолеть. А тело его, среди каких-то принадлежавших ему вещей, так и не было обнаружено.

Здесьние ермаковские места, конечно, были глухими, но это как раз старику было по душе. Он и добрался сюда, потому что считал – нашёл, наконец, то проклятое место, где, возможно, погиб его Лёшка, с которым они вместе росли в Ирбите. А потом на время их пути разошлись. Харитона призвали в армию и отправили служить на границу, а Алексей выучился на геолога.

К этому озеру, некогда обнаруженному им ещё до гибели друга старик отправился не сразу. Загадочная гибель друга, разного рода домыслы и противоречивые рассказы о том, как он исчез, не давали ему покоя. И он не предполагал, что судьба его надолго свяжет с этими местами

Следователи, и один, и другой, которые занимались изучением обстоятельств гибели Трубникова Алексея Фроловича, как значилось в документах, как-то неохотно и несвязно излагали свои версии. Харитон сразу почувствовал, что-то они не договаривают. А место на карте, подаренную ему когда-то Алексеем, показали неуверенно, словно не хотели, чтобы старик туда отправился. Они даже карту хотели у него забрать, но Харитон заартачился, сославшись на то, что погибший геолог ему её подарил, и теперь она его личная собственность.

Был у старика преданный друг, пёсик по кличке Верный. Впрочем, трудно было его называть пёсиком. Это был крупный кобелина, подстать своему хозяину. Он не происходил из породистых особей. Намешано в нём было разных кровей немало – полу овчарка, что-то от охотничьих пород. Но хозяина своего, то есть Харитона, понимал даже по выражению его глаз. И глухарей таскал, подстреленных стариком, и уток с середины пруда вплавь доставлял, и нужные вещи мог хозяину принести, когда они вместе отдыхали дома. Но самое главное, был великолепным защитником. Чужого чувствовал за несколько километров. Но попусту никогда не лаял. Только глухо зарычит, и Харитон знал: к его обители движется кто-то чужой.

Но в последнее время Верный стал себя вести как-то странно. То забьётся в сторожке в самый тёмный угол, и тихо там сопит, то напротив, выбегает на тропинку к озеру и громко лает, словно там, на середине водной глади, кто-то затаился.

Харитон спускался к самой воде затянутого у самого берега водорослями заболоченного озера, и вглядывался вдаль, но ничего не мог разглядеть.

– Ладно, хватит попусту брехать, нет там никого, – успокаивал он Верного, но тот не унимался. – Да что ж ты меня мучаешь! – сердился на собаку старик, – душу из меня вытягиваешь. Нет там никого!

В такие минуты он невольно вспоминал рассказы старожилов, которые пугали Харитона нечистой силой, якобы водившейся в той части заброшенных мест, где обитал теперь старик.

А как-то ему привиделся как бы сплюснутый диск луны, который двигался по небу вдоль тайги, что темнела на другом конце озера-пруда. Именно там по рассказам старожилов и обитали тёмные силы, которые сгубили неуёмного геолога.

Настя, вдова Алексея, как-то сказала старику:

– Не ходил бы ты туда, Харитоша. Алексей сгинул, и ты пропадёшь.

– Э-э, милая моя, – спорил с ней старик. – Я на границе вылавливал эти тёмные силы. А тут середина Урала, места с детства мне знакомые. И охотились мы здесь, и рыбачили, бывало с Алексеем.

– У нас отсель до границы, конечно, далече. А ты всё же поберегся бы.

Вообще-то старик с молодых лет не верил ни в какие привидения и колдовство. А когда возникали разные рассказы о пришельцах, только отмахивался от подобных легенд.

– Всё это чушь, – говаривал он обычно своим приятелям и сверстникам, когда вернулся в родные места после службы на границе и устроился на работу в леспромхоз. – Пришельцы? – иронически шурил он и без того раскосые глаза, – почему они на нас, на людей, похожи, как изображают их рисовальщики? А, может у них вместо носов хоботы, а вместо рта торчат клювы? Повидал я таких на границе. Напяливали на себя всякие маскарады, чтобы молодые солдаты пугались.

Но однажды, возвращаясь из райцентра в свой посёлок на попутной полуторке, он увидел такое чудо. По небу, навстречу их тархтелке-таратайке, как называл Харитон старые подержанные полуторки, летела настоящая «тарелка»

– Смотри, смотри, ты видишь? – завопил водитель и резко сбавил скорость. – Пришельцы пожаловали...

Харитон взглянул на небо и обомлел: и впрямь, навстречу их полуторке двигался похожий на полный диск луны странный объект. Он светился каким-то неземным светом и мигал разноцветными огоньками. Казалось, эта летящее небесное чудо сейчас рухнет на них, и им конец.

– Тормози, тормози! – теперь уж завопил и Харитон, – не видишь, на нас прут инопланетяне!?

– Тормозишь тут, когда тормозов нет, – виновато бормотал водитель, – скоростями торможу этой образины. Только не получается.

Но мотор их полуторки вдруг сам заглох. Машина чуть прокатилась по бугристой, истерзанной промоинами и ухабами, дороге, и замерла. Харитон сердито взглянул на водителя, потом перевёл взгляд на небо.

– Фу-х! Пронесло, – крикнул он. Летящая тарелка в это время почти скрылась в белесых облаках, будто её и не было.

– Вот вам и сказки, – хмыкнул водитель. – Кому скажешь, и не поверят. Руки до сих пор дрожат. Хорошо хоть машина сама догадалась остановиться, – и он провёл рукой по вспотевшему лбу.

Старик вспомнил этот эпизод из своей жизни, когда однажды на пороге лесной сторожки появился Алексей.

– Лёшка! Чёрт горбатый! – кинулся было к нему старик. – Я ж тебя разыскиваю! Никому не верю, что ты куда-то сгинул, – но ноги старика словно прикручены были к полу. Он не мог сдвинуться с места. А Алексей тут же исчез, словно его и не было.

«Что это было? Приведение, или я схожу уже с ума? – мелькнуло в воспалённом мозгу Харитона. – Как тогда, когда нас чуть не протаранила летающая тарелка».

Только Верный в тёмном углу сторожки тихо поскуливал.

Всё это случилось той осенью, когда Харитон расспрашивал ирбитсеих следователей, которые занимались делом Алексея, об исчезновении которого заявила его жена Анастасия Трубникова. Ничего путного от них старик не услышал. Он вернулся с озера в посёлок в свою комнатуху в бараке после той встречи с Лёхой, верней с его привидением какой-то замороженный, и три ночи не мог уснуть. Закроет глаза, а перед ним его дружок. Молча, стоит, будто что-то хочет сказать, и не может.

– А ты ж куда глядел? – с укоризной не раз выговаривал старик своему Верному. А пёс вилял хвостом и отворачивал морду, будто и впрямь был в чём-то виноват...

...С той памятной ночи, когда к старику явился в сторожку Алексей, прошло полтора месяца. Харитон ни разу не ездил к озеру, и даже думать об этом не хотел. Он перемальывал, перелопачивал в голове всё, что накопилось внутри него за последние десятилетия, пытаясь понять, что происходило с ним, и отделить, как говорится, зёрна от плевел. Но ничего у него не получалось. К тому ж во сне к нему снова являлся Алексей, и каждый раз спрашивал его, неужто он не хочет разгадать тайну этого полуозера, полупруда? Ведь в его пучине сгинул

не только он, Алексей, но и многие другие люди, случайно или намеренно забредшие однажды на свою беду в эти глухие таёжные места.

– Ну, что, Верный, – как-то обратился Харитон к своему псу, – не пора ли нам с тобой всё же прогуляться к озеру, будь оно неладно. Там, поди, и вокруг нашей избушки всё заросло, и следы наши с тобой затоптали непрошенные гости. Може, и утоп кто...

Чувствуя, что хозяин его что-то надумал, Верный поднялся со своего налёженного места, подошёл к нему и как бы одобрительно тьякнул.

– Ага, и тебя проняло, – глубоко вздыхая, пробормотал Харитон. – Тогда будем собираться в дорогу.

Старик глянул за окно: рассвет ещё не наступил, но уже ощущалось, вот-вот объявится солнце. Идти пешком в такую даль глубокой осенью было и трудно, и опасно. Явно нужно было решить что-то с транспортом. Когда-то, сразу после возвращения с военной службы, Харитон приобрёл старенький «Москвич», но он пробегал у него совсем немного – рухлядь она и есть рухлядь. Пришлось сдать его на металлолом. Так он стал безлошадным. И бродил по тайге поначалу пешком, а с приходом зимних холодов приобщился к лыжам. Тем более, служба на границе, он стал лыжником хоть куда. Но в последние годы ноги стали подводить.

– Нет, надо какие-то колёса, – почти вслух разговаривал он сам с собой, да искоса поглядывал на своего верного пса. Тем более приближалась зима, и кто его знает, какие у озера ожидают его неожиданности. – А ты, что молчишь, хвостом виляешь? – укоризненно глянул Харитон на Верного. – Надо нам какую-то лайбу приобрести?

И в тот же день старик отправился на местный поселковый вещевой рынок, где втихую шла торговля и подержанными авто. Здесь многие его знали, и поэтому не удивились его появлению. К тому ж, слышали и о незаживающей ране старика в связи с загадочной гибелью Алексея, его закадычного друга, и поэтому поняли, что Харитон не случайно забрёл сюда.

Худо-бедно, но он всё ж приобрёл «Виллис». Неизвестно откуда он появился в этих таёжных уральских краях.

– Не дрейфь, – сказал ему мужик, хозяин этого древнейшего транспортного средства, – скоростя, мабуть, не те, но выносливость не отыметь.

– Он что, твой лимузин, кляча какая? – усмехнулся старик.

– Сам увидишь, – рассмеялся хозяин авто, – подведёт, я его у тебя обратно выкуплю.

На том они и сговорились, и через неделю Харитон вместе с Верным двинулся в путь. В багажнике позвякивали канистры с горючим, которое прикупил старик на ближайшей бензоколонке. Заправок-то в тайге не было. Так что запас бензина обязательно понадобится.

Машина бежала бойко, вздрагивая на ухабах и объезжая промоины после небольшого дождя. Верный, сидя рядом на сиденье, временами урчал или повизгивал, то ли от удовольствия, что они с хозяином двигаются в знакомом направлении, или от страха перед предстоящими встречами с обитателями дремучей тайги и неизвестностью.

– Да, брат, – ласково поглядывая на преданного ему пса, бормотал старик, словно ожидая, что Верный сейчас заговорит с ним, – Бог его знает, что нас ожидает на этом заколдованном озере. Но ты ж меня не бросишь?

Между тем дорога петляла. На одном из поворотов путешественники чуть не врезались в молодую сосну, лежащую поперёк дороги.

– Вот недоноски, – чертыхнулся Харитон, успев затормозить. – Нарочно что ли бросили дерево посреди дороги, чтобы мы кувыркнулись? Хотя бы следы своего браконьерства не оставляли.

Старик кое-как сдвинул препятствие, вернулся в кабину. Они проехали ещё несколько километров, и дороги совсем не стало видно. Лишь малоприметный след от какой-то подводы или конной таратайки чуть просматривался, углубляясь в глухую чащу.

Харитон остановил машину, чтобы осмотреться. Дорога окончательно затерялась, превратившись в чуть заметную тропу.

– Ну, что, Верный, теперь надо держать ухо востро, а то чего доброго, угодим в какую-нибудь расщелину. – Где-то за горизонтом громыхнуло. – Нам ещё дождя не хватало, – озабоченно поглядывая на небо через лобовое стекло, проговорил старик. Однако впереди как-то неожиданно просветлело, и Харитон облегчённо вздохнул, увидев казачью сторожевую вышку.

Через несколько километров они подкатили к сторожке. Дверь кем-то заботливо, кто, очевидно, ночевал в лесной избушке, была припёрта небольшим обрубок дерева.

«Спасибо, земляк», – мысленно поблагодарил Харитон путника, вероятно, прошедшего не одну ночь в сторожке. А когда зашли с Верным в избушку «на курьих ножках» – так полушутливо называл это своё лесное пристанище старик – то увидел на столе двухлитровую банку с мёдом. По его цвету Харитон определил, что это был собранный дикими пчёлами нектар от разных лесных трав.

Старик до такой степени растрогался, что присел на лавку у стола и стал размышлять, кто бы это мог быть. Какой-то добрый человек, решил он. И тут увидел на столе записку. «Бродил около этого заколдованного озера, – гласила она, – подумал, что обиходил это жилище хороший человек. Нашёл муку, крупу, извини, здорово в тот момент проголодался. Потом бродил вдоль озера. С Лёхой, геологом, мы когда-то искали здесь заветный камень. Он так его называл. И всё мечтал, что скоро появится его дружок, ты, наверное, и мы все вместе найдём этот волшебный минерал. А потом Алексей пропал. Думаю, утоп в проклятом озере. Он всё на резиновой лодчонке пытался доплыть до середины. Не знаю, как тебя зовут, но найди его, или хотя бы разгадай, что с ним случилось. А меня величают Севой. Двинул дальше, на север. Может, там разгадка»

«Может, может», – горестно вздохнул Харитон и стал распаковывать свой багаж. Верный преданно вертелся у его ног.

– Ну, что ты, мальчик, не скули. И так на душе муторно. Сейчас покормлю тебя.

А наутро старик завёл машину, и они попробовали с Верным обогнуть озеро с восточной стороны, чтобы пробиться на его северную сторону. Но деревья так плотно окружили его, что пришлось отказаться от этой затеи.

«Вот вам и ответ, спорщики: мол, на Урале нет тайги, – вспомнил давние разговоры Харитон, что тайга только в Сибири. – Тут такие же непроходимые тропы среди болот».

Между тем Верный кого-то учуял. Он громко лаял, спустившись к самому краю озера, заслонённого от глаз каким-то колючим кустарником.

Харитон попытался приблизиться к тому месту, где бесновался его пёс, но без топора туда было не пробиться. И старик вернулся в сторожку за топором и двустволкой. Мало ли чего. Но пёс уже утомился и вернулся к сторожке.

– Ну, и кого ты там облаивал? – впуская собаку в избушку, обратился к нему старик, вспомнив записку Севы. – Наверное, нам надо поискать дорогу к другой стороне озера, – снова вслух заговорил Харитон то ли с самим собой, то ли со своим верным спутником на четырёх лапах, будто и в самом деле тот мог ему что-то подсказать.

Перед тем, как отправиться на розыски другого подъезда к озеру, старик решил осмотреть пространство вокруг сторожки. Он пытался представить этого Севу, которому наверняка было тоже немало лет. Ведь Харитон с Алексеем были почти ровесники, а Сева дружил с Алексеем. Впрочем, подумал старик, может, они подружились позже в поисках какого-то заветного камушка, о чём написал ему Сева.

Старик обошёл вокруг домика. Увидел, что кое-где углы стали подгнивать. То ли от старости, или какие-то вредные букашки выклёвывали для себя что-то полезное и открывали пространство для проникновения в эти щели влаги. Однако ничего особенного он не обнаружил, кроме следов вокруг сторожки солдатских ботинок явно большого размера. Значит, Сева был

мужчина крупный, и вес у него был подходящий, раз отпечатались следы от его обуви на сухой земле, решил старик.

Верный всё это время вертелся у его ног, и вёл себя спокойно

– Ну, что ж, дружок ты мой, пойдём, глянем, что нас ожидает, – и Харитон двинулся к западу, углубившись в густые заросли, окружившие со всех сторон это загадочное озеро-пруд.

– Немудрено, что всё тут заболачивается, – бурчал он себе под нос. – Видно, ключики, питающие мелкие ручейки, постепенно обволакивают водоросли, и не дают хода водой наполнять озеро. Он вспомнил, как в первое свое посещение этих мест, ходил километра за два-три от сторожки, чтобы обнаружить ручей с ключевой водой для питья. Интересно, рассуждал он теперь, озеро, которое представляет собой немалую площадь водной глади, наверняка откуда-нибудь изнутри питает огромный ключ, иначе бы оно давно превратилось в болото. И было ли оно, когда казаки в те далёкие времена обосновали в этих местах большой свой казачий редут, со сторожевой вышкой посреди высвобожденной от леса поляны, и устраивая здесь запруду? Он даже удивился этим своим мыслям, неизвестно откуда появившимся в голове. Так, рассуждая сам с собой, Харитон продолжал обследовать вокруг своего обиталища пространство, и вдруг обнаружил чуть заметную тропинку. Он даже крикнул от удовольствия, потому что понял – это то, что надо. «Тут, пожалуй, и мой „Виллисс“ проедет», – решил он и вернулся в сторожку. – Возьмём с собой пропитание, – продолжая вслух рассуждать, сказал он псу. – А то, чего доброго, придётся где-нибудь заночевать, да ещё на голодный желудок.

Забрав провизию и разные инструменты, он, придавив дверь полусломанным деревцом, вместе с собакой отправился к машине.

– Авось, не заблудимся, – проговорил он, – да и компас, если что поможет нам определиться, если заблудимся, забираясь в кабину и усаживая рядом Верного.

Тропа, по которой они осторожно покатались на самой малой скорости, стала расширяться, и километра через три-четыре они выехали на перекрёсток, где их малозаметную колею в траве пересекла настоящая гравийная дорога, которая вела не на запад, то есть, в противоположную сторону, где и находилось это чудо-озеро-пруд.

Старик остановил машину, вылез из кабины и осмотрелся. Похоже, что кто-то специально пробил через лесную чащу просеку, засыпал дорогу гравием. И это были явно не геологи. Но кто? И кому в этих глухих местах понадобилась дорога к таинственному водоёму? Вокруг никого не было видно. Старик вернулся к машине, и медленно её тронул, а затем резко свернул с тропки на гравийку, которая как раз вела в ту сторону, где за густым кустарником должно было находиться это озеро.

Самое удивительное было то, что Верный, восседавший на переднем сидении, вёл себя очень спокойно и не вызывал у хозяина своим поведением никакой тревоги.

Они проехали ещё километров пять-шесть, и вдруг дорога резко свернула на север, а впереди за густым кустарником вроде как заблестела вода. И старик понял, что они добрались до нужного места с западной стороны озера. Теперь надо было найти пологий спуск к нему. И проехав вдоль кустов ещё с километр, они его обнаружили. И ещё Харитон впереди увидел следы кострища.

– Однако... – пробормотал он, – кто-то здесь совсем недавно побывал. И нам, если придётся здесь заночевать нельзя быть беспечными, мало ли сегодня по уральским лесам бродит разных разбойников. Надо только собрать хвороста, чтобы к вечеру разжечь свой костерок.

Ему почему-то не захотелось возвращаться назад в свою хижину, словно предвидел, что ночь преподнесёт ему какой-то сюрприз.

– А ты, брат ты мой, – сказал старик псу, – ушки держи на макушке, и будь начеку. В ответ Верный залаял, и эхо откликнулось ему, как показалось старику, с самой середины озера...

«А если, выплыть на его середину, – задумался Харитон, – будет ли оттуда видна сторожевая ермаковская вышка? И было ли озеро таким огромным, после того, как в этих местах поселились предки ермаковцев уже в более поздние времена?»

Внезапная мысль заслонила все остальные, потому что, если не было озера, что было на этом месте? Говорят же, что в уральских расщелинах гор есть загадочные так называемые разломы. Он вспомнил, что что-то читал или смотрел по ящику о параллельных мирах, где тоже живут люди, некогда исчезнувшие во время своих путешествий. А может и из этих мест? И что, если всё это действительно существует? Ведь сейчас учёные конкретно утверждают, что в прошлом существовали цивилизации, превосходившие нынешнюю.

– Разлом, разлом, – бормотал себе под нос Харитон. Он тревожно оглядел весь этот довольно внушительный бережок для такого, в общем-то, небольшого – не море же – озера, и продолжал вслух рассуждать:– А что, если и в самом деле разлом пролегает именно здесь? И Алексей вовсе не погиб, а случайно обнаружил в него проход? А Трубников, – вдруг назвал друга по фамилии старик, – Лёшка, как раз таков, настырный. И наверняка мог отправиться вглубь этой расщелины. Но где она пролегает? Не мог же Лёха нырять, чтобы обнаружить там проход?

Эта мысль настолько его захватила, что он сейчас не мог ни о чём думать, как об этом разломе. Может быть, он и есть, на той стороне озера, где он ещё не был? Или даже около сторожки в лесу, который обступил со всех сторон эту поляну?

Харитон внимательно обвёл взглядом ровную, как будто её вычистили грейдером, площадку. А если вдруг она пролегает рядом с берегом, где они оказались сейчас с Верным? Но кто и когда зачистил так эту часть берега? Люди из подземелья, параллельного мира, инопланетяне? И откуда появились следы от костра? Грелись? Готовили пищу? А если это сподвижники Ермака вернулись с того света на этот, чтобы разглядеть, что тут происходит, и кто теперь хозяин этих заповедных мест?

«Надо обследовать это таинственное озеро вдоль и поперёк», – решил старик, и тут вспомнил, что плыть-то ему к середине озера не на чем. Резиновая лодка, на которой он обычно подплывал к подстреленной дичи, продырявлена. Да и передвигаться на ней по воде неизвестно куда, небезопасно.

Он припомнил вдруг слова Насти, вдовы Алексея: поберётся бы ты. И ещё, что когда-то говорил начальник заставы:

– Погранслужба, парень, требует не только смелости, решимости, но и осторожности. Будь всегда внимателен. Ведь за каждым кустиком может оказаться диверсант, враг, который не применёт воспользоваться твоей оплошностью.

Давно это было, но Харитон всегда старался следовать совету своего мудрого командира. Вот и сейчас, прежде, чем принимать какое-то решение, он начал обследовать эту странную площадку, как будто бы её кто-то специально готовил для каких-то целей. Но потом что-то произошло, и те люди, которые жгли на берегу озера костёр, вероятно, срочно покинули это место. Он обошёл всё вокруг, но ничего особого не обнаружил. И спуск к берегу был только один, по которому они и съехали сюда.

Дело было уже к вечеру, и старик решил в сторожку всё же сегодня не возвращаться, пока не убедится, что на озере ничего странного не происходит. Верный опять удивил Харитона. Он застыл у самой воды, что-то разглядывал с берега, но не лаял и не скулил. Просто стоял у самой кромки озера и вглядывался в глубину.

Харитон пошёл к машине, достал из багажника съестное, что захватил с собой, кликнул собаку, мол, иди, перекусим. Но Верный от воды не отходил.

– Ладно, не хочешь, значит, не хочешь, небось, рыбку решил поймать, – усмехнулся старик. – А я что-то проголодался.

Жуя бутерброды, он подумал о том, что надо бы соорудить какой-то плот, чтобы добраться до середины озера. Потом его сморило, и, откинувшись на спинку сиденья своего лимузина, старик задремал. Проснулся он, когда вокруг было темно. А впереди, на самой середине водной глади, мигал какой-то странный свет, как от карманного фонарика. И когда Харитон включил дальний свет фар своего «Виллиса», фонарик погас. Но когда он снова осветил озеро – никакого огонька не было

Старику стало не по себе, и он громко закричал в темноту:

– Эй, кто там, плыви сюда! – в ответ услышал только эхо своего голоса. – Нет, это какая-то чертовщина, – ругнулся старик. – А ты, охранник, что не полаешь? – сердито обратился он к Верному. Тот в ответ виновато лизнул руку Харитона. А ещё через минуту-другую с самой середины озера вырвался кверху столб, то ли огня, или воды. Высота его достигла, как прикинул старик, метров двадцать. И всё это длилось какие-то секунды, и озеро снова погрузилось во тьму. Старик приблизил руку к глазам и посмотрел на циферблат своих наручных часов. Обе стрелки застыли на цифре 12. Нет, минутная чуть сдвинулась вправо.

«Что это было? Откуда взялся огненно-водному столбу? И действительно ли он был огненным? Но тогда что-то или кто-то его подсвечивал?»

Старик не включал больше ни фары, ни карманный фонарик. Он только нащупал сидящего рядом пса, который почему-то дрожал, как в тот раз, когда Алексей явился в их хижину. Харитон не сказал бы, что ему было страшно. Когда служил на границе, там всякое случалось. Но эта секундная вспышка на середине озера как бы выбила его из колеи. Что она означала?.. Может, это Алексей о какой-то опасности хотел его предупредить? – мелькнула мысль, но он тут же её отбросил, ведь чтобы выпустить такой, как ему показалось, полуогненный фонтан, да ещё на такую высоту... Это уж что-то сверхъестественное.

И снова ему как бы послышался голос Настёны: «Поберётся бы ты». Возможно, она что-то знает, но ему не сказала?

«Ладно, – мысленно сам себе приказал Харитон, – утром будем думать, что делать дальше». Он запер обе дверцы своего «Виллиса» и откинулся на спинку сиденья. Если что, Верный рядом...

А наутро старик обнаружил на капоте машины записку, отпечатанную на компьютере. Это он сразу определил по шрифту. Она гласила: «Дед! Езжай домой. Как бы с тобой чего-нибудь не случилось».

– Видал? – закричал взбешённый Харитон своим зычным голосом, который откликнулся наверняка на другом берегу озера. – Меня, пограничника, хотят запугать эти странные привидения! А може, какие-то местные бандиты, и это могло быть А ты, сторож хренов, – набросился старик на Верного, – что ж не лалял? Мы бы тогда с тобой этих писарей за хвост уцепили. Потом, немного успокоившись, старик вспомнил о ночном происшествии. Как чёрт из табакерки, выскочил этот водяной фонтан посередине озера. «А ну-ка, а ну-ка, – вдруг пришло ему в голову, дай-ка я снова прочитаю эту зловещую записку». Он начал рыться по карманам своей одежды, под сиденьем, в бардачке, но нигде не обнаружил это послание чуть ли ни с того света. Он выскочил из машины, беспокойно обвёл глазами вокруг, но записки нигде не было. И тут увидел белый листок, прилипший к переднему колесу. Он схватил его, и... какая-то бессмыслица – листок был тот, но никакого текста на нём не было.

«Так можно с ума сойти, – пробормотал Харитон обречённо. – Был же текст, и его на том же листке бумаги нет. Являлся к нему в сторожку Алексей, и тоже куда-то исчез. А этот огненный водяной фонтан с подсветками ночью? Его, что, тоже не было? Сплошной мираж? Галлюцинации?»

Старик прошёл к самому берегу озера, стал вглядываться в водную гладь. Озеро лежало перед ним, как обнажённая женщина – тихое и спокойное. А может быть, вся наша жизнь – это есть мираж? – вдруг подумалось ему. – Игра воображения? И Лёша, который сгинул. И Сева.

И всё-всё... «И с этими мыслями он сел за руль. Включил зажигание и нажал на сцепление. Машина плавно тронулась с места. Куда он на ней отправился? Будто хотел разобраться, что произошло сегодняшней ночью. Куда я собрался? Зачем? Может быть, в иные миры? Которые, то ли есть, то ли вовсе не существуют?.. И в этот момент машина его вдруг остановилась, хотя ни на какие педали он не нажимал. А мотор заглох.

Харитон вылез из «Виллиса», обошёл его, не понимая, что с его транспортом произошло. Отчего мотор заглох? Как у той полуторки, когда они чуть не столкнулись с летающей тарелкой. Верный выскочил из автомобиля, но вместо того, чтобы кружить, как обычно, возле хозяйских ног, помчался на берег озера.

Да что же это вокруг меня творится? – запсиховал старик. – Машина мне объявила бойкот – заглох мотор, и непонятно по каким причинам. Пёс сбежал на берег загадочного озера. Может быть, мне был подан какой-то сигнал, а я его не понял?» – вдруг пришлоему в голову.

Он вернулся в кабину и сел за руль. Глянул на ключ зажигания – тот был повернут в другую сторону.» Я что, сам его вывернул? – недоумевал старик. – Он повернул ключ, и мотор загудел. И тут же Харитон услышал радостный лай Верного.

«Ага, – усмехнулся старик, – обрадовался, что я понял его». Харитон развернул машину и съехал вниз, обратно на берег. Вышел из автомобиля и подошёл к собаке.

– Ну, что ж, – виновато сказал он, – извини, что хотел уехать отсель, не разобравшись, что за фонтан был этой ночью, кто нам подаёт таинственные знаки.

К вечеру на берегу стало прохладней. Старик натаскал хворосту, срубил пару полуза-сохших кустарников с довольно твёрдой корой, которая, не в пример сыроватому валежнику, хорошо горела.

– А костёр запалим позже, – сказал он Верному. Он уже настолько привык с ним разговаривать, будто пёс и в самом деле всё понимает, разве только не может ответить. Ему невольно вспомнился пограничный хвостатый служака на четырёх лапах. Его выхаживал один казах-пограничник, всегда удивлявшийся, что Харитон с его псом вслух о чём-то рассуждает. Потом на всякий случай старик перетащил из машины свою двустволку и сумку с патронами. Что-то бормоча себе под нос, опять вспомнил своего начальника заставы, который приучил его быть очень внимательным к любой мелочи, знать каждый куст, за которым может притаиться диверсант. Но здесь не граница, усмехался своим мыслям Харитон, хотя места глухие, много вокруг таинственного, мало ли кто мог внезапно объявиться.

Он снова вспомнил записку с грозным предупреждением, что обнаружил на капоте своего автомобиля, и с которой потом неизвестно куда и по какой причине исчез текст угрозы.

Сгущались сумерки. становилась совсем прохладно, и старик решил разжечь костёр. Но странное дело, огонь был с каким—то голубоватым оттенком. «Может, – пришло в голову Харитону, – кто-то здесь решил нефть или газ добывать? Даром, что глушь такая, можно и налоги не платить». Эта мысль его ошеломила. А если Алёшка погиб от рук каких-то бандитов, которые решили открыть здесь свой промысел? Вот и дорогу к этим местам проложили, и берег очистили от кустарников, ила и всякой растительности?

«В таком случае, – решил старик, – надо быть предельно осторожным, чтобы врасплох не застали. Вот и Настёна, вдова Алексея, его предупреждала. А может, она что-то знает, да молчит, боится? И следаки глаза отводили, когда он пытался от них узнать что-то путное. И собака его ведёт как-то странно»

– Смотри, Верный, – погрозил ему пальцем Харитон, – если что учуешь, дай мне знать. Лай погромче, если я вдруг разомлею у костра и задремлю.

Тут он вспомнил про Севу. Был ли такой друг у Алексея или нет? Вроде бы он со многими сотоварищами Алёшки был знаком, а вот Сева что-то на память не приходил. А этот дар в виде банки с мёдом?... Может, вовсе не ему всё это предназначалось? Но тогда кому? По крайней мере, следов пребывания кого-то ещё, кроме Севы, в сторожке Харитон не обнаружил.

Между тем костёр разгорался, но чем выше поднималось его пламя, и дым улечивался куда-то за кустарники, к дороге, тем беспокойнее становилось на душе у старика. Когда же на берегу совсем стемнело, и лишь отблески от костра освещали всё вокруг, Харитон решил хоть чуть-чуть вздремнуть.

– Смотри, – приказал он Верному, – не прозевай недругов. – А то, что ночью кто-то может появиться, старик вполне допускал. Он глянул на светящиеся цифры своих ручных часов, установил будильник на 12 ночи, именно в этот час накануне вырвался откуда-то из глубины озера столб воды, и прилёг на плащ-палатку, растеленную вдоль костра.

Но проснулся он не от звука будильника, а от громкого ворчанья собаки. Старик глянул на озеро. Там было темно и тихо. И ровно в полночь ничто не нарушило какой-то зловещей тишины. Отчего тогда Верный ворчит?

«Нужен плот, чтобы добраться до середины озера, – пришло ему в голову. – Завтра займусь этим».

Наутро он взял с собой топор и отправился на поиски кем-то спиленных непогодой или засохших деревьев, необходимых ему для сооружения небольшого плотика, на котором он рассчитывал добраться до середины озера.

Несколько безжалостно срубленных сосенок он обнаружил прямо на развилке дорог. Пришлось вернуться за машиной, так как сразу всё, что он отобрал, оттащить волоком ему было не под силу. Деревья он прикрепил тросом к своему автомобилю и доставил на берег. Распилить и связать их, для него было пару пустяков. Но, тем не менее, плот был готов к плаванию только к вечеру.

И ещё одну ночь они с Верным провели у костра. И снова фонтан не объявился.

– Ну вот что. друг ты мой единственный, – ласково обратился Харитон к псу, – поплывём с тобой, посмотрим, что это за чудо-середина озера, из которой бил фонтан.

Верный нетерпеливо суетился возле хозяина и повизгивал.

– Да, здесь, на берегу, ты герой, – опять вступил с ним в беседу старик. – Посмотрим, как ты будешь крутить хвостом, когда поплывём на этих брёвнушках, – и он озабоченно глянул на небо. Там собирались тучки.

– Вот дождь нам совсем некстати, – проворчал Харитон. – Плотик-то мой неудобный для плавания. Брёвна скользкие, без шеста на них и не удержишься.

В молодости, ещё до службы на границе, они с Алёшкой любили бывать на нижнем складе леспромхоза. Если перевести на русский язык, здесь хранились привезённые на автолесогрузах круглые брёвна, как сами заготовители леса называли их – кругляками. Они спускались на реку в период половодья, а многие уральские речки в такую пору становились судоходными для сплава леса к местам дальнейшего его переброса для отправки за границу на продажу. И много брёвен из-за недолгой большой воды на уральских речках становились топляками – гнили в воде.

Приезжали японцы, они вылавливали такие брёвна и куда-то увозили на лесовозах.

– А что они с ними потом делают? – как-то спросил Харитон у одного из плотогонщиков.

Тот смачно сплюнул, то ли от неудовольствия, что приходится объяснять такие, на его взгляд пустяки этим несведущим пацанам, а, может, от возмущения такой бесхозяйственностью.

– Что-что?! Мебель, другие столярные изделия наделают и нам же продадут их.

В плотогонщики обычно шли крепкие русские мужики. На Урале их, конечно, мало было, в основном работали они на полноводных сибирских реках, но и на таких, как Тавда, Тагил, Чусовая и Сылва в те далёкие времена было им чем заняться.

Как-то с тем же Лёхой Харитону посчастливилось попасть на такой плот. Страху они тогда натерпелись. Но ничего, мужики снисходительно к ним отнеслись. Говорили – приходите,

научим. И вязать плот тогда же Харитону удалось научиться.. Плотогонщик ещё его похвалил, и сказал на прощанье:

– Силёнки у тебя есть. Приходи.

Всё это сейчас вспоминая, старик подумал, что озеро – это не сплавная река, справится. Но всё равно придётся нелегко.

Однако у него возникли сомнения. Можно уже было отправляться в плавание по загадочному озеру, добраться до его середины, но что-то его удерживало, какая-то мистическая сила, словно кто-то его отсюда – то ли из космоса, то ли из чудо-озера, предупреждал, что пока этого делать не надо, опасно, и для тебя, и для твоего верного помощника Верного. Харитон отгонял эти мысли, но они назойливо теребили его душу. От избытка чувств, или ещё от чего-то неведомого, старик достал из рюкзака с провизией бутылку самогона – напитка вполне надёжного, потому что он сам его готовил. Налил себе в пластмассовый стаканчик, что хранил в бардачке машины, грамм, наверное, сто-сто двадцать, и выпил, не закусывая.

– Ну, что смотришь на меня осуждающе, – буркнул он Верному. – Ну, не знаю, что со мной происходит, кто руководит моей психикой, но не готов я пока к плаванию. Думаешь, струсил, – продолжал он, глядя псу в глаза. – Не сдрейфил, но, видно, что-то не учёл. Что, пока не знаю. Ты тут покарауль, а я, пожалуй, чуток вздремну.

Он открыл вторую дверцу, на случай, если Верный захочет примоститься на соседнем сидении, а сам откинулся на спинку и закрыл глаза. Но сон не шёл. И это тоже ему было странно. Ведь почти всю ночь он бодрствовал, боясь пропустить так называемый фонтан.

Он вылез из машины и подошёл к самому краю берега, всматриваясь в толщу водной глади загадочного озера. Вдруг ему послышался голос Алексея: «Ты, Харитоша, не торопись. Я поспешил, и видишь, как получилось...» Старик оглянулся по сторонам, надеясь увидеть друга, но вокруг никого не было. Только желтеющие листья кустарников перешептывались между собой. «Остерегайся, Харитоша, – вспомнил он и слова Настёны. – Здесь не граница, но всякое может быть». Что-то она недоговаривала. И эти следки – тоже. Почему все так настойчиво не советовали искать Алексея? А вдруг они знали что-то такое о его гибели, но не хотели ему говорить? Но что? Лёшка, чёрт горбатый, хотелось ему крикнуть. Где твоя могила? В каком месте озера её искать? А, может быть, ты жив, потому что являешься ко мне в виде привидения?

Харитон отошёл от воды и побрёл по берегу вдоль озера, приказав Верному оставаться у машины и стеречь её. В руках он держал ружьё, а в куртке позвякивали патроны. Ему вспомнился сейчас рассказ про лётчика и мальчика, оказавшихся на безлюдном острове. «Вот и я здесь, хоть и не на острове, но в безлюдном месте, – подумалось ему. – А вместо мальчика – мой верный друг преданная ему собака». Верный по имени Верный, – усмехнулся старик, – а может, в этом озере водятся акулы? – эта мысль даже несколько его позабавила».

Хмель всё —таки его чуть-чуть взял. Пил он всегда мало и по какому-то поводу. А сейчас повод был серьёзный –он никак не мог осуществить задуманное. И старик, вскинув ружьё, прицелился в озеро, в самую его середину. Палец его был на курке, но стрелять не стал. А вдруг там прячется Алексей? И старик вернулся к машине. Верный сидел у самой дверцы.

– Э, да ты, брат, наверное, проголодался, – сказал ему Харитон. – Сейчас я тебя покормлю.

Он достал из сумки-холодильника – осталась у него такая из советского времени – извлёк оттуда кусок мороженого мяса и кинул собаке. Верный принялся за еду, а старик снова забрался в кабину, оставив полуоткрытой вторую дверцу, чтобы пёс мог потом забраться в машину, откинул спинку своего сидения, улёгся поудобней, и, наконец, задремал.

Проснулся он от лая собаки. Верный бегал по берегу и кого-то там высматривал. Харитон глянул сквозь лобовое стекло на озеро. Там никого не было.

«Какая-то сплошная мистика, – пробормотал он. – Никого нет, а пёс беснуется. – И старик снова откинулся на спинку сиденья.

А вечером всё же полил дождь. Старик впустил полумокрого пса в машину, и снова уснул. На сей раз основательно. Разбудил его писк будильника ручных часов. За пять минут до полуночи.

Но и эта ночь прошла спокойно. Ни в полночь, ни позже, на озере не появилось никаких признаков жизни, и, естественно, никакого фонтана. «А может, его и не было, а всё это мираж, показалось, – размышлял старик. – Но голос, Алёшкин голос, он—то слышал. Это ведь не какое-то видение-приведение, он его слышал. Запомнил, что было сказано».

Всё это сейчас прокручивал в уме Харитон. Он-то всегда был равнодушен ко всем этим байкам, рассказам о привидениях, какой-то чертовщине. Выбросьте всю эту мистику вон из головы, говорил он обычно тем, кто во всё это верил. И вдруг появление в сторожке Алексея. А ноги его будто пригвоздило к полу. И его друг как появился, так и исчез мгновенно... А тут ещё записка на капоте машины, он же её читал, а потом оказался пустой лист. Всё это не укладывалось в голове. Как будто кто-то решил над ним подсмеяться.

«Интересно, – вдруг пришло ему в голову, – а куда ведёт эта гравийка, и откуда она берёт начало? Они-то с Верным съехали вниз, к озеру, а она пошла дальше, на север, отдаляясь, видимо, от озера. Надо бы проверить».

– А знаешь, дружище, – обратился Харитон к своему псу, почти как к человеку, – не прокатиться ли нам с тобой в одну и другую стороны? Бензин у нас с тобой в запасе есть, харчи тоже... Но не мешало бы прежде Настёну повидать, настоящий допрос ей учинить, чтоб рассказала всё без утайки, а не пугала всякими опасностями.

Чтобы повидать вдову Алексея, надо было съездить в Ирбит. Заодно и следаков попытаю решил старик, – может, чего путного и расскажут. Перед тем, как отправиться в обратный путь, стари прошёлся по берегу, оглядел всё вокруг. Плот решил не прятать.

– Посмотрим, посмотрим, понадобится ли он кому, – бормотал он себе под нос, – в конце концов, у меня ружьишко есть и куча патронов. Если что, расстреляю к чёртовой матери все эти привидения.

Эти мысли как бы придали ему силы и решимости. Он забрался в кабину, впустил Верного на соседнее сиденье..Мотор вздрогнул и довольно заурчал.

– Да, не зря я приобрёл эту колымагу, – похвалил сам себя. – Пешком тут не находишься

Когда машина взобралась на пригорок, старик остановил её и вышел. Внизу блестело озеро, а гравийка поворачивала на северо-запад, углубляясь в лес. Обратная дорога вела к той развилке, на которую он выехал, оставив сторожку где-то сзади. По бокам дороги росли сосны, ели, другие породы уральских деревьев. Верный полулежал на своём сидении, тихо посапывал, не выражая никакой тревоги. Старик вернулся в машину, жёстко обхватил руль, и она плавно покатила по дороге к развилке. Когда они до неё добрались, Харитон повернул руль направо, чтобы вернуться к сторожке.

Первое, что увидел он, въезжая в ставшие ему родными места, казачью сторожевую вышку.

«Вот ведь черти, – одобрительно вздохнул он, – сколько веков уже стоит, а ей хоть бы что, неподвластна времени, эпохам, революциям, гражданской войне, держится горделиво, будто и сегодня охраняет казачий редут ермаковской дружины?.. И так и кажется, что выйдет сейчас из- за сосен казак с саблей из того времени и спросит, кто такие, и с миром ли пришли к их казачьему становью.

У него даже сердце защемило от этих мыслей. И вспомнились далёкие годы юности в ставшем ему родным старинном городке Ирбите, куда однажды забросила судьба его родителей. Города, стоявшего на перепутье так называемого Ирбитского тракта, знаменитого в те века торгового пути из Московии в Тобольск.

Он тогда в местной городской газете, кстати, с прекрасным названием «Коммунар», читал про походы Ермака, путь которого проходил и в этих уральских местах. А в библиотеке нашёл книжки о боевой славе ермаковской ватаги. Вольный дух казачества как бы поселился ещё в те времена в этом городке. Не случайно, наверное, и газету свою ирбитчане назвали «Коммунар». Возможно, это было от революционного духа более поздних, уже времён, а, может, и оттого, что казачьи традиции, их былая вольница – своеобразная коммуна, ведь казаки крепко стояли друг за друга и делились последним куском хлеба. Жили так, где было правило – один за всех и все за одного, сам погибай, а товарища выручай. И к местному этносу, людям разных народностей и национальностей относились бережно и с почтением. А те в свою очередь снабжали казаков провизией и местными поделками для бытовых нужд.

Ирбит, хотя и не был для Харитона родовым гнездом, семья его переехала сюда из Воронежской области, стал для него своего рода второй родиной. Здесь они росли с Лёшкой, дружили, отсюда отправились в большую жизнь.

«Ну, ладно, – отряхнулся Харитон от наплывших на него воспоминаний. – Пора и за дело взяться». Он вылез из машины, которую подогнал к самой сторожке. Обошёл вокруг неё, не обнаружив следов чужих людей.

Верный, выскочив из машины, кинулся к озеру, но тут же вернулся назад.

– Видать и правда чужаков здесь не было, – остался доволен Харитон, – раз пёс сразу же вернулся в сторожку.

В домике было прохладно, и старик разжёг печку запасёнными сухими ветками. Он присел у стола, раздумывая, куда им с Верным податься. Съездить ли домой, в посёлок, а потом в Ирбит, или вернуться на гравийку и добраться до того места, где она берёт начало? И он решил всё же отправиться в посёлок, а затем в Ирбит.

Нельзя сказать, что он был уверен, что правильно всё решил. Да и вообще, может, прекратить всю эту канитель с поиском пропавшего друга, скорее всего погибшего? Не случайно же он является к нему, то в виде привидения, то голос его слышит.

Он понимал, что им руководит память о друге. Он и раньше никогда не предавал друзей, считал, что дружба – это святое. А когда служил на границе, это стало правилом его жизни. Потому-то он и пытается найти следы Алёшки и в тайге, когда по ней бродил, и у этого загадочного озера-пруда. А эти ермаковские места его как бы возвращали к далёкому прошлому. Ведь и его предки тоже были из казаков.

Что же дальше? Остановиться сейчас на полпути, признать, что всё это бред, плод воспалённого мозга? Но ведь когда-то НЛО он видел собственными глазами. И это была не фантазия, а реальность. Но тогда возникает вопрос: что является фантазией, а что реальностью? Где искать ответ? На дне этого озера, которое выкидывает с ним такие штуки?

Старик долго просидел, размышляя и о своей жизни тоже. С женой разошёлся. Да и женился, как говорится, от нечего делать. Он вернулся тогда со службы на границе, где отпахал два срока. Как-то столкнулся в магазине с довольно смазливой бабёнкой. Познакомились. Она работала в какой-то конторе, жила одна. Он тоже был одинок, родители вернулись на родину в Воронежскую область, а Харитон не захотел уезжать из Ирбита. Устроился работать на мотоциклетный завод испытателем.

Он сразу тогда определил, что его знакомая – деваха ветренная. Но он так истосковался по женскому теплу, тем более, что некогда нравившаяся ему девчонка, стала женой Алексея. Значит, не судьба, решил он тогда, и взял в жёны эту смазливую особу женского пола. Может быть, и не надо было этого делать. Но что теперь рассуждать.

Родилась дочка, да и Наташа, его жена, была ему верна. Но понимания между ними не было, и их супружеские отношения вскоре зашли в тупик, они расстались. Дочка теперь живёт на Кубани. А он никак не может распрощаться с Уралом. Начитался книг всяких, побродил по тайге. Она, конечно, не сибирская, но тоже можно в ней и на всякого зверя нарваться.

Однако пора на боковую, хватит копаться в своей биографии, приказал сам себе старик. Надо как следует отдохнуть, дорога, в общем-то, не особо длинная, но и не сплошной асфальт, дыр в ней немало. А ехать всё же надо напрямую в Ирбит, пришёл он к окончательному выводу.

Добрались до города поздним вечером. Во многих домах огни уже были погашены. Тусклые фонари были включены лишь на центральных улицах. Всё это придавало городу какой-то мрачный и неприветливый вид. В гостинице мест свободных не оказалось, и старику пришлось ночевать в машине, которую он припарковал к какому-то глухому забору. Однако тяжёлая дорога с ухабами и ямами настолько утомила Харитона, что он тут же уснул. Зато очнулся от глубокого сна очень рано. И, прежде, чем отправиться к Насте, решил перекусить и пса накормить.

– Ну, что, Верный, насытился? – взглянул он на своего единственного преданного друга. – Поедем, попытаем, что там от нас утаила Настёна.

Но её дома не оказалось. Она, сообщила Харитону словоохотливая соседка, работает продавцом в магазине. Узнав, в каком, старик отправился по указанному адресу.

Увидев Харитона, Настя ему улыбнулась, но показав на свои наручные часы, жестом объяснила, и он понял, что до вечера с ней не удастся поговорить. Тогда он решил посетить следователей. Но один из них уже работал в областном центре, а второй уволился.

– Я очень рада, что ты вернулся живой и невредимый, – сказала ему Настя, когда вечером он приехал к ней домой, – устроилась на работу к одному доброму человеку, – объяснила она. – Вместе вы все когда-то гоняли голубей. Да ты его знаешь, Серёжка Попов. Он жил на соседней улице. А потом разбогател. Как вы, не шмонался по тайге. Вот он и предложил мне работу. Как-никак, я по профессии экономист. Ну, а ты-то что? Не собираешься вернуться в родной город? К супружнице своей? Она таперича одна осталась. Сашка, её мужик, помер. От водки проклятой.

Слушая болтовню вдовы Алексея, старик прикидывал, как бы ему поделикатнее и поподробнее узнать, что Настя от него утаила.

– Да ты меня не слушаешь и ешь мало. Смотри, сколько я для тебя настряпала. Юрка-то наш, – стала она рассказывать о сыне, – в Екатеринбурге в какой-то фирме вкалывает. Письма не пишет. Всё открытки присылает. А мне и от этого радостно.

– Скажи, Настёна, – перебил её красноречие Харитон. – Что ты от меня утаила о гибели Алексея? Что тебе об этом известно?

– А... ничего, Харитоша. Следовательно, тот рябой, что в область уехал, сказал, – глаза её набухли, – сказал, что утоп он. То ли в болоте, то ли в пруду каком-то.

– В пруду, говоришь, – насторожился старик. – А откуда он это узнал? – Харитон испытывающе глянул на Настю.

– Так они ж его рюкзак у того пруда и нашли.

– И куда они дели этот рюкзак?

– Так в чулане он у меня. Всё вернули. Даже твой охотничий нож, что ты когда-то Лёше подарил. Помнишь? – Настя вышла в сенцы и вернулась с рюкзаком.

– Вот он. Там и храню. Ничего в нём не трогала.

Харитон выхватил у Насти рюкзак и вытряхнул из него всё содержимое. И вдруг среди всякого хламья он увидел записную книжку с яркой блестящей обложкой.

– Барахло не храни, – сказал он Насте назидательно. – Какие-то вещи отдай бомжам. Они наверняка бьвают в твоём магазине. А блокнот я заберу. Почитаю, что там Лёшка накарябал. Сама читала?

– Нет, – замотала она головой. – Не могу, плачу. Любила я его непутёвого бродягу. А он меня на тайгу променял. Всё какой-то особый камень искал. Сёва, был у него такой товарищ. Вот они последнее время вместе по тайге и бродили. Пока...

– Что пока?

– Пока не поссорились. Так Сева сказывал, когда сюда приезжал.

– И давно?

Да с год назад, наверное.

«Значит, Сева не врал, – мысленно подытожил свой разговор с Настей Харитон. – Интересно, с чего бы им ссориться? И про камень, что они искали, в записке тогда, оставленной в сторожке, не утаил. Надо возвращаться к озеру».

– Я у тебя заночую, если не возражаешь? – спросил он у Насти. – А то в гостинице мест нет. Прошлую ночь в машине с Верным спали.

– Ну и дурак, – беззлобно пробурчала она. – Да нет у меня никого, если думаешь. Одна я. Вот тебя бы приняла. А то оставайся совсем. Я ведь тебе когда-то нравилась. И Верного веди в дом. А машину во двор загни, и калитку запри.

– Всё исполнено, – полушутливо-полусерьёз доложил Харитон, возвращаясь со двора. – А ты мне, и правда, всегда нравилась, ещё, когда с косичками бегала по двору, а мы с Лёшкой твоим уже были балбесы. А пока я границу охранял, дружок мой тебя уже, превратившуюся в стройную девицу, в жёны себе определил.

– Я тебе, Харитоша, в Лешиной комнате, он её своим кабинетом величал, расстелила. Туалет у меня во дворе, так что, если понадобится, в сенцах ведро стоит. На канализацию, – развела она руками, – пока ещё не заработала. Ну, а ежели замёрзнешь, приходи ко мне, согрею. Я ведь тебе не совсем чужая. – Всё это Настя проговорила, не скрывая своего волнения. Старик, правда, заметил, что руки её чуть дрожали.

– Лёшу, пойми, я любила. Но его нет. А я не такая уж старуха, пенсию ещё не платят. Вот и пошла работать. Баба я ещё справная. Кое-что могу. – И она присела к столу рядом с Харитоном.

Он молча смотрел на неё, словно вникая в то, что она сейчас наговорила.

– Мне ведь от тебя ничего не надо. Я просто согрею своим телом. Оно, слава богу, ещё не остыло.

– Ладно, стели. А замёрзну – приду. Сила —то мужская у меня ещё есть. А Лёшку... – он запнулся, – я у него спрошу, доверяет ли он мне тебя.

– Доверяет, доверяет, – прошептала Настя. – Мне он тоже снился. Три года, Харитоша, как я без него измоталась. От того и на работу пошла. Дома, куда ни гляну, везде Лёша чудится. Страшно мне стало одной.

– А твой хозяйчик, он как к тебе? – вдруг спросил взволнованную женщину старик.

– Тьфу, на тебя, – рассмеялась Настя. – У него любимая жена и дети рядом. Да и человек он порядочный, хоть по нынешним меркам – капиталист.

– Ну, тогда вот что, – решительно сказал ей Харитон. – Стели на двоих. Что я мальчишка, прыгать из постели в постель...

Этой ночью, хотя они спали в одной кровати, у них ничего не было. Старик рассказывал Насте обо всех своих приключениях. Только не поведал ей о видениях. Решил – что бабу пугать?

Настя прижималась к нему всем телом, и слушала, слушала. А наутро, когда она убежала на работу, Харитон вышел во двор, оглядел его по-хозяйски. Нашёл в сарае кучу рвспиленных чурбаков, взял в руки колун и рубил, рубил, складывая поленицу за поленицей. Уехал он к озеру лишь через три дня.

– Вот, Верный, как оно бывает, – беседовал он со своим любимым псом. – Ищешь одно, а находишь другое.

Но собака, свернувшись калачиком на своём сидении, безмятежно спала. Только слегка повизгивала, когда машину подкидывало на ухабах.

До озера добрались быстро. Верный выскочил из машины и начал всё обнюхивать. Но не лаял. Значит, ничего особого не обнаружил. Старик в свою очередь обошёл всё вокруг,

даже не поленился и сходил к той дороге, по которой они ездили на другую сторону озера, но никаких следов не обнаружил. В сторожке тоже было всё на месте, а наружная дверь приперта, как он оставил. Единственное, что Харитон явственно ощущал, будто кто-то невидимый всё время рядом и словно едва дышит, бесшумно передвигается, обдавая старика каким-то мистическим запахом.

– А ты, Верный, что, нюх потерял? Неужто ничего не чуешь постороннего? – рассердился на пса старик.

Надо было избавиться от этого ощущения чего-то невидимого, чем-то пахнущего, но как, он не знал. Да и не мог знать. Это, как та «тарелка»: летела, летела и улетела. А куда, Бог его знает. А, может быть, и не было ничего. Всё сплошной мираж?..

Прежде чем куда-то ехать, Харитон решил расширить спуск к озеру, хоть не намного, и, может быть, освободить его у самого берега от водорослей, засохших веток, ила, которые превращали бывшую казачью запруду в этих местах в сплошное болото.

Он взял топор, бензопилу и лопату, припрятанные в багажнике машины, и приступил к работе. Колючие, разросшиеся кусты не очень-то поддавались. Тогда он переделся в штормовку, нашёл рукавицы, чтобы не карябать свои ладони, и работать стало легче. Верный сидел поодаль и внимательно наблюдал за хозяином.

Вскоре проход к озеру Харитон пробил, хоть бульдозер загоняй, а вот с водорослями, образовавшегося болота, пришлось потруднее.

Когда он всё окончательно очистил, к нему пришла мысль – а не отправиться ли к тому берегу вплавь, куда они в прошлый раз ездили на машине? Благо и лодчонку он прикупил в Ирбите у местных рыбаков? В багажник она полностью не помещалась, корма её свисала за борт машины, но всё же он привез её с собой. На всякий случай.

Сказано-сделано, и вот Харитон спустил свой «крейсер» на воду и позвал собаку. Вдобавок к вёслам выломал на берегу тонкую осину, обстругав её, сделал из неё шест. И отгалкиваясь им от берега, они с Верным отплыли, оставив машину у сторожки.

Вскоре от шеста пришлось отказаться, старик положил его вдоль лодки и опустил вёсла в воду. Захватил с собой в дорогу и ружьишко с патронами. При этом ему вспомнились сейчас Настины слова:

– Береги себя, Харитоша! Теперь уже и для меня.

Две ночи из тех трёх, что провёл он в постели с Настей, будто влили ему в жилы какую-то дополнительную силу. Оказывается, он и это может...

Плыли они с Верным довольно долго. Ведь не на моторке, надо было грести, а вода старику почему-то показалась тяжёлой. Иногда он останавливался, чтобы передохнуть и отдышаться. Такие водные процедуры были для него непривычны. И всё же, решил он, один ключ, или несколько питают озеро, иначе оно давно бы превратилось в мелкое болото. Может быть, в этом и была вся разгадка таинственного озера. Возможно, ещё ермаковские казаки несколько веков назад обнаружили этот родник, бьющий откуда-то из глубины земли, расчистили всё вокруг него, а затем уж соорудили здесь огромную запруду.

Наконец они достигли того берега, где ночевали с Верным. Харитон причаливая к берегу, глянул в ту сторону, откуда они приплыли. Получалось, что километров шесть-восемь отмахали...

Плот оказался на месте, значит, чужаков здесь не было. Это несколько Харитона успокоило. Вообще с ним, после того, как они с Настей сблизились, происходило что-то странное. В какой-то мере их отношения повлияли на его душевное состояние.

«Ну, и слава богу, – обрадовался старик. – Может, отстанут от меня все эти приведения. Узнаю всё про Алёшку, и на этом успокоюсь».

Отношения с Настей растопили его ожесточившееся сердце, ему захотелось уюта, появилось желание заботиться о любимой женщине, да и подумать о своей старости не мешало. Как-никак, уже давно за шестьдесят.

Верил ли он в Бога? Если бы об этом у него кто-то спросил, он не смог бы ответить однозначно. Он вырос в семье, в которой были и глубоко верующие, например, его бабушка Лукерья, и настоящие безбожники-атеисты, каким был его отец Евлампий. В Бога он не верил, но не богохульствовал. Признавал некую высшую силу, но никогда на эту тему ни с кем не рассуждал.

Ещё мальчишкой Харитон чувствовал, что у отца что-то наболело, и с войны он вернулся, как рассказывала мать, каким-то надломленным, хотя была у него масса боевых наград, в том числе и орден Славы какой-то степени, и он им очень гордился и дорожил. Как-то он сказал Харитону:

– Ты, сынок, бабку Лушу слушайся, и то, что она тебе говорит о Боге, мотай на ус. Всякое может в жизни случиться. Как у меня, например.

Но что, он об этом никогда не рассказывал. И вообще, о войне не любил вспоминать, хотя в своём пехотном полку командовал ротой. Лишь однажды обмолвился, что от смерти его Бог спас, не поведав, что там с ним произошло в боях под Харьковом. Так и ушёл в иной мир с нераскрытой тайной.

Но сейчас, когда Харитон сам был немолод, стал иногда тайком что-то себе под нос бормотать, вроде молитвы. Кстати, крестился он уже в солидном возрасте. Ему тогда было уже под пятьдесят. Об этом мало кто знал, кроме Алексея и его супруги Насти. И с тех пор он носил на шее золотой крестик, освящённый отцом Серафимом.

Перед тем, как отправиться в плавание, старик задумал усовершенствовать плот. Лодку он решил побережь для обратного возвращения к сторожке. Сначала он обтесал сверху брёвна, из которых состоял плот. По ним можно было теперь свободно передвигаться – скреплены они были намертво. И соорудил своеобразный капитанский мостик, чтобы можно было присесть. А также выстругал огромное весло, чтобы с помощью его управлять своим судном.

– Ну, что, Верный, не утопнем мы с тобой? – вслух рассуждал старик, подзывая собаку к плоту, будто пёс и впрямь мог что-то сказать. – Вижу, вижу, одобряешь, усмехнулся Харитон, – по мордахе твоей чувствую. Ничего, справимся. Однако, – глянув на небо, озабоченно добавил, – Нет, отложим папвание – Переждём непогоду, а завтра отправимся в путь. – А сейчас натянем палатку, чтобы было, где укрыться от дождя. – Единственное, о чём жалел старик, что не признался Насте о своих видениях. Может быть, она бы помолилась за его душу.

Ночь прошла спокойно, и на озере было тихо, Правда, какой-то всплеск воды у самого берега Харитон услышал. Но он решил, что это какая-то рыбка заблудилась, и не придал этому какого-то значения. День выдался хороший. Взошло солнце, на небе – ни облачка. Казалось, ничто не предвещало каких-то неприятностей.

– Господи! Спаси и сохрани, – помолился старик и спустил плот на воду.

Верный запрыгнул вслед за хозяином на их «крейсер», и Харитон шестом оттолкнулся от берега. А когда они добрались почти до середины озера, старик перестал грести, и плот застыл на месте. Харитон попытался что-то разглядеть в глубине озера, и хотя оно было в этих местах довольно прозрачным, ничего особенного так и не увидел. Правда, ему показалось, на огромной глубине, возможно, это было самое дно, что-то темнело.

«Да, сюда надо было захватить водолазное снаряжение», – подумал Харитон, но тут же отбросил эту мысль, поскольку навыков водолаза у него не было, да если и спускаться на большую глубину, надо наверху иметь напарника, чтобы он страховал. А пока надо довольствоваться тем, что есть.

Он снова глянул в глубину – там бесновались мелкие рыбёшки. Правда, он не был уверен, что это были представители рыбьего царства. Тогда он решил подплыть поближе к той

части берега, которая заросла кустистыми кустарниками. Он пришвартовал плот к какому-то деревцу, привязал его к нему, захватил с собой топор и сошёл на берег. Верному приказал:

– Сиди тут и охраняй плот.

Кустарник был густой и колючий. Особенно ежевика раздражала старика. Правда, он отправлял некоторые ягодки в рот, и они прогоняли жажду. А пить почему-то постоянно хотелось. Когда он вырубил часть кустарника, оказалось, что за ними лежала прекрасная поляна, усыпанная разноцветьем, хотя был конец осени. А здесь словно её и не было. Он опешил от такой красоты, даже нарвал каких-то цветов – он и названий их не знал, для Насти.

«Чёрт, старый дуралей, – мысленно ругнулся на себя. – Что это на старости лет так тебя забрало? Любовь вернулась... – И тут его осенило: любви-то настоящей у него ещё и не было. Семья была, дочка родилась, правда, писем ему не шлёт. Наташа, его бывшая жена, оказалась пустышкой. Её мало интересовало, что его волнует, чем он живёт. Вот он и пропадал неделями на охоте. Благо, пособие за выслугу лет позволяло сводить концы с концами. Да подстрелянная на охоте дичь. Именно тогда он привык жить, не замечая, чем там занимается его жена, которая работала в одной из контор бухгалтером. Так они и жили вместе, но врозь, пока оба не поняли, что вдвоём им тесно. И вот теперь в его жизни появилась Настя. Он и раньше на неё заглядывался, но она была тогда женой его лучшего друга, а это было для него свято.

«Что это я расчувствовался», – одёрнул сам себя. Но вспомнив о Насте, о тех счастливых двух днях, он мысленно обратился к Алексею: – Лёша, прости меня. Прости меня за Настю. Тебя нет, я ищу твои следы, но уже прошло так много времени. Может, ты жив? Я должен тебя отыскать живого или мёртвого. Ради нашей дружбы. Ради Насти. Она ж тебя, непутёвого, любит. А тут я появился». Он снова оглядел поляну и вдруг заметил на одном из её дальних сторон, какой-то словно свеженабросанный земельный холм. Когда подошёл поближе, убедился, что глаза его не обманули. Пришлось вернуться на берег и достать с плота лопату. Верный на плоту спокойно лежал у самого капитанского мостика.

– Молодец, – похвалил его старик, и на всякий случай захватил с собою ружьё, которое он, было, неосмотрительно оставил на плоту. «Мало ли что, мало ли что», – пробормотал себе под нос. И снова вернулся на поляну, к холму.

То, что здесь был завален вход в пещеру, Харитон понял сразу. Но он не исключал, что, возможно, это казаки прорыли туннель. Однако засыпан вход был не в древние века. А то, что земля была слишком тверда, объяснялось просто – делалось это сразу после дождя. Но кому и зачем это потребовалось? «А может, есть другой вход?» – пришло ему в голову. Он начал раздвигать кусты рядом, и хотя они плохо поддавались, всё же обнаружил нечто вроде лаза, через который ему с его комплекцией, разумеется, невозможно попасть в пещеру. К тому же, когда он разгрёб и здесь кучу земли, из пещеры пополз какой-то странный запах.

Лаз он всё же расширил, но запах, явно метана, хлынул наружу. На всякий случай старик отошёл подальше, размышляя, что же делать дальше. «Может сунуть туда внутрь сухой хворост да поджечь, – размышлял Харитон, – а вдруг рванёт и разнесёт к чёрту всю эту, то ли пещеру, то ли туннель?»

Дело шло к вечеру, и пора было возвращаться назад, на тот берег озера, очищенный от кустарников неизвестно кем. Собрав все инструменты и ружьё, старик вернулся на плот и, отвязав его от дерева, чуть-чуть покачиваясь из-за небольшого ветра, они отправились в обратный путь. Когда до нужного берега оставалось метров десять, не больше, вдруг из воды высунулась морда какого-то мохнатого чудовища с огромными рыбьими глазами. Старик от такой неожиданной встречи испуганно вскрикнул, а Верный громко залаял.

Чудовище тут же скрылось, и в этот самый момент снизу плот приподняло на один бок, и старик и собака оказались в воде. Хорошо ещё, что всё это случилось метрах в десяти-пятнадцати от берега, и здесь было довольно мелко, что позволило им быстро отыскать весь утонув-

ший груз, который был размещён на плоту. А ружьё, что было заброшено на ремнях за спину, было всё мокрое, и его теперь предстояло хорошенько высушить.

Выбравшись на берег, старик тут же разжёл костёр, хорошо, что спички он хранил в лодке, Верный сидел у костра и недовольно скулил. А сам Харитон притаился с лодки самогон, и выпил для сугрева души и тела целый стакан жидкости в семьдесят градусов.

«Да, это чудище, что перевернуло их плот было не видением, а каким-то мутантом таинственного коварного озера, – решил старик, переодевшись в сухую одежду, что у него была припрятана под одним из кустов, – что же ему делать дальше, – размышлял он, – какие-то тёмные силы мешали ему выйти на след Алексея. И это были уже не миражи, а нечто реальное, хоть и недоступное его пониманию. „Постой, постой, – вдруг вспомнил он о записной книжке Алексея, которую не увидели, а может, не захотели увидеть следаки. Труп Алексея не нашли, а раз так, то и Бог с ним, этим неугомонным геологом. Чего он шастает по тайге“, – эти мысли побудили старика срочно заглянуть в записную книжку Алексея. Может, там и кроется загадка его исчезновения. И та фраза, которую он вполне, возможно, произнёс чуть ли не с того света»

Харитон достал из мокрой штормовки записную книжку, которую, как будто он знал, что это чудище перевернёт их плот, завернул в целлофановый кулёк. И начал листать его страницы. На одной из них он прочитал:

«Жаль, что Сева не понимает, что надо идти за озеро, к северу, там, вероятней всего, хранится этот волшебный минерал, о котором я узнал из одной очень древней летописи».

– Так, – удовлетворённо хмыкнул Харитон. – Значит, надо идти на север, за озеро. Туда и дорога гравийная ведёт. И ещё. У него же есть карта, копию которой ему подарил Алексей. А он её оставил в сторожке. Надо срочно туда отправляться.

И снова ему вспомнился командир заставы, который учил не только новобранцев, но всех, кто служил под его началом, никогда не упускать ни одной мелочи, запоминать всё, что вокруг тебя. Бугорок или чуть примятый кустарник, трава. Это особенно важно в нашей горной местности. Может, там и притаился диверсант. И вот сейчас, спустя десятилетия после службы на границе, Харитон задумался: всё ли он предусмотрел, продумал? Ведь не придал он значения какому-то всплеску воды. А это и было, наверное, это чудище с рыбьими глазами. И этот, очищенный от всякой растительности, колючего кустарника, берег озера. Кто его преобразил? Тут с топором и лопатой не справишься. А может, тут кроется какая-то тайна? Спецы из военного ведомства что-то испытывают, какое-то новое оружие, – вдруг пришло ему в голову. – Заброшенный пруд-озеро? Безлюдье? Может, следователи оттого и старались его удержать от поисков погибшего друга, якобы утопшего? Придумали версию – утоп. А если нет?» Он, конечно, понимал, что если тут сокрыта какая-то тайна, в лучшем случае те спецы потребуют немедленно убраться из этих мест подобру-поздорову, а что в худшем, он даже представить себе не мог.

– Ну что, – сказал старик Верному, – утром вернемся с тобой к сторожке. Ночь переночуем и поплывём»

Ночь прошла спокойно. И наутро, собрав весь скарб и погрузив его в лодку, Харитон подогнал к ней плот и прицепил его к корме лодки. «Тяжеловато тянуть его будет», – вздохнул тяжело, но оставлять плот здесь не решился, мало ли куда придётся на нём ещё плыть.

– Давай, Верный, забирайся быстро в лодку.. Авось, никакой озёрный бродяга не будет нас преследовать, – но на всякий случай положил ружьё рядои с собой.

Плот хлюпал, тормозил движение их судна, старик несколько раз останавливался, чтобы отдышаться, но к вечеру они всё же добрались до сторожки..

Машина была на месте, и Харитон облегчённо вздохнул. Он обошёл домик вокруг. Чужих следов не обнаружил, и вошёл в своё жилище.. Присел у стола. Теперь надо было определиться, возвращаться ли в Ирбит, попутно заскочить в посёлок за своими шмотками, или сразу же двинуть на север, куда мог отправиться Алексей, о чём старик вычитал в его записной книжке.

Настя при расставании сказала ему:

– Ты, Харитоша, давай забирай-ка в посёлке свои вещи, там, наверное, есть и что постирать, и переезжай ко мне. Лёшу не вернуть, это я давно поняла. Жив бы был, всё равно нашёл бы способ известить об этом. А ты...

– Что я? – тогда спросил у неё Харитон.

– Пора прекращать все эти бесполезные поиски пропавшего друга. Я смирилась, и тебе тоже надо. – она что-то ещё тогда хотела сказать, но не смогла сдержать слёз. – Себя пожалей. А то я Лёшку потеряла. Теперь тебя...

Он тогда ничего не пообещал ей. Только обнял и поцеловал.

А сейчас как бы вслух пробормотал, мол, не может он остановится на полпути. Да и Алексей с кем-то общался, кто-то его видел. Надо найти этих людей.

Верный тёрся у ног хозяина, будто понимал, что у того сейчас на душе.

– Не бойсь. Вернёмся к Насте вместе. – вновь обращаясь к псу, как к человеку, отвлёкся от своих размышлений старик. – В обиду я тебя не дам. Да она и не станет тебя обижать. Не такой Настюха человек. Помню, когда девчушкой ещё по двору бегала, всегда что-нибудь приносила из дому състного, чтобы подкормить либо дворовую собачку, или бездомных кошечек. Э, да ты голоден у меня, а я тут разглагольствую, – и Харитон достал из сумки-кудесницы кусок мяса и протянул Верному. – А я займусь изучением нашего будущего маршрута.

Старик разложил на столе карту, и вдруг увидел на ней, вписанные карандашом цифры: 7474. Точно те же, что обнаружил в записной книжке Алексея. Может быть, подумалось ему, это обозначена какая-то местность, куда он стремился, а Сева не захотел с ним идти?.

А ночью Харитон вскочил с топчана, как угорелый. К нему, теперь уже во сне, опять приходил Алексей.

– 7474, – Харитоша, – услышал он голос друга, – эти цифры были в той древней летописи, что я увидел тогда в том музее, где хранился этот древний свиток. Это было мне словно подсказкой. Мол, там ищи тот заветный камень. В нём, этом минерале, необычайная сила. – И во сне Алексей так же пропал, как тогда, когда он явился в сторожку. Сон был такой явственный, что возбуждённый старик нервно заходил по домику, до конца так и не понявший, во сне это было или наяву. Немного успокоившись, он пришёл к выводу, ехать надо в Ирбит, к Насте, да заодно посетить историко-краеведческий музей. Может быть, там что-то знают об этой летописи.

В посёлок Харитон заезжать не стал. Отправился прямо в Ирбит. Сначала в музей, решил он, а потом уже к Насте, всё равно она сейчас на работе. Однако в музее никакой древней рукописи не оказалось. «Вряд ли такая есть в наших уральских, – разочаровала его работница. – Такие рукописи, если они и существуют, то хранятся где-нибудь в Центральной России. Съездите в Екатеринбург, – посоветовали ему. – Там много сейчас разных музеев. Бажовский, к примеру. Может, они что-то подскажут.

«Да, в домике-музее Бажова неплохо бы ещё раз побывать, – вспомнилось старику. – Был он в нём как-то, Алексей затащил. Он, собственно, из-за этого увлечённого старика-писателя и в геологи подался. – Да времени сейчас у меня на эти экскурсии нет, – убеждал сам себя Харитон, – надо на север податься. – Как это он вычитал в записной книжке: надо идти на север, за озеро. Вот он туда с Верным и отправится.

Харитон подъехал к Настиному дому и заглушил мотор. И тут увидел её, она выскочила за калитку и подбежала к машине.

– А я тебя ждала именно сегодня, – сказала она ему, – чувствовала, что ты приедешь. Сердце подсказало.

Старик вылез из машины и обнял женщину, вдруг ставшей ему такой родной и необходимой.

– А я думал ты ещё на работе?

- Представь, отпросилась уйти пораньше, – и она подствила ему губы, – интуиция. Машину поставь во дворе, – шепнула после ответного поцелуя. – Сейчас я ворота открою.
- А я думал, что порыв твой прошёл, и ты жалеешь, что у нас так получилось...
- Эх, ты, думал, – Настя ушла во двор, открыла ворота. Махнула ему: давай, заезжай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.